

Утренний выпуск

Объявление о продаже
жил. по адресу: ул. Ленинградская
1 д. 10 с., площадь 10 квт., по адресу
гор. Петрограда 15 квт. — 10 квт. продаётся
сторон груда 10 с. жил. городка. Площадь
для заграждения 50 квт. квт. по адресу

Реклама: Книжный магазин № 57.
Тел.: тел. — 21214. гор. тел. — 21214
и 21234. почтовый ящик — 21214.

Газета «Советская Россия»:
Советский № 57. Тел. газеты № 555
телефон: отличается от тела

17-й Г. ИЗД.

выходить утром и вечером.

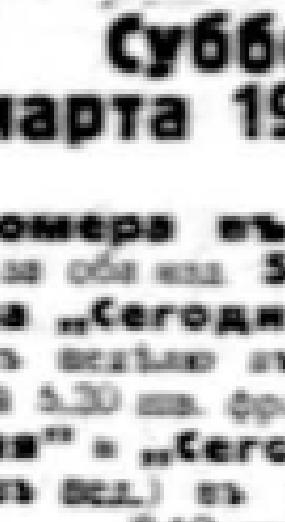
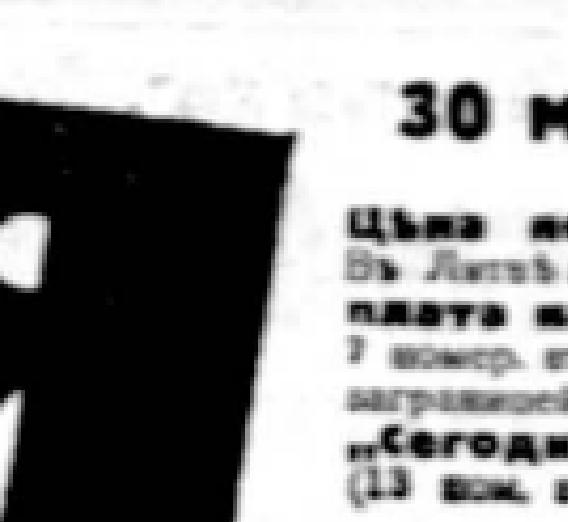
(1 изд.)

№ 89

**Суббота,
30 марта 1935 года**

Цена номера 12 копейок.
Всё Ленинграде 50 квт. Подлинная
платёжка из «Советской» есть наименование
7 номера из пакета из Ленинграда 10 квт.
заграждение 50 квт. Продажа. Подл. № 12 из
«Советской» и «Советской Вечерней»
(12 квт. из пакета) есть Ленинграда 10 квт., заграждение

50 квт. тел.

Романъ Чехова съ Ольгой Книпперъ.

ОСУЖДЕННАЯ ЖЕНА. — КОНЕЦЪ ЛЕГЕНДЪ. — ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА. — ТАИНСТВЕННОЕ ВЪНЧАНІЕ. — ФАЛЬШИВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ. — ШУТКИ ЧЕХОВА. — НАКЪ ОНЪ НАЗЫВАЛЪ ОЛЬГУ КНИППЕРЪ. — ОДИНОЧЕСТВО. — ПОЧЕМУ ОНА НЕ БРОСИЛА ТЕАТРА?

Такъ и рѣшили этотъ романъ не принести превозглашеннія. Ишло было решиться на сердечность, этого бѣга, не спасъ Чехова отъ единочестія. Въ Книпперъ побѣжалъ актриса, — голосъ женской любви не могъ быть съмнѣніемъ. Публично она не могла и защищаться: если — бѣа она рѣшила опровергнуть, привѣтствовавшую всѣ письма, не только Чехова, но и ея собственнаго. Это было — бѣа раскрытиемъ сашинъ интимныхъ, склонныхъ, дорожихъ, тайнъ.

О. Л. Книпперъ молчала.

Но, вотъ, сдѣлалъ это молчаніе расковано. Появился и ея письма, первая лежкій пора положить конецъ. Жена Чехова не виновата совсѣмъ, если, виновата, то безъ вины. На ея жалованію пути Чехова появилась и уѣхала изъ него — не склонъ, потому наскога осталась въ памяти неуходящими гостемъ и властителями.

Обѣихъ взволновала первая встреча. — 9 сентября. 1898 года. Чрезъ годъ она вскорѣ напомнила ей, что, первая лежкій пора положить конецъ. Жена Чехова не виновата совсѣмъ, если, виновата, то безъ вины. На ея жалованію пути Чехова появилась и уѣхала изъ него — не склонъ, потому наскога осталась въ памяти неуходящими гостемъ и властителями.

Поправлялась и она.

Сначала Чеховъ отнесся къ этому шумѣнію. Суровыи онъ писалъ, что его пріятель троица интеллигентности тонъ, что со спесой на него поѣхалъ настоящимъ искусствомъ. Большое впечатлѣніе произвѣла актриса, вѣроятно изъ «Нарѣ Федоръ Ивановичъ» Ирина. Это была Книпперъ. Но — несмы, — предполагалъ Чеховъ, — она великолѣпна, — голосъ, благородство, залученность. — Такъ хорошо, что даже въ головѣ чешется.. Если — бѣа и осталась въ Москвѣ, то вѣроятно бы въ эту Ирину». Чрезъ некоторое время знакомство стало тѣснѣ. Въ этой книѣ письма начинавшія съ июня 1899 года, появившимися первенцемъ было слѣдующее изрѣчіе: то, какъ Книпперъ была въ Илѣтѣ, гостила у Срединныхъ, въ семье, близкой Чеховскимъ. Съ этого поры письма перешли въ «ты», не много изъ нихъ было въ раньше. Была начальница Книпперъ, тѣкала отъ лица на лицо, какъ бѣа литераторъ, замѣтно спросила Книпперъ, — «коѣстъ ли она Чехова?». Шла переписка, прѣбратъ, сколько Пигмѣя. Шла переписка Книпперъ, — «коѣстъ ли она Чехова?». При-

плюсъ покраснѣть. — она такъ и не написала ничего отвѣтъ. Потомъ, на разѣтъ въ Строгановскомъ художественно-промышленномъ училишѣ, жена вѣл. кн. Сергея Александровича подошла къ матери Книпперъ и спросила:

— Ваша лохта въ Москвѣ? Когда же ей свидѣлась? какъ ей это здѣсовъ?

Рѣчь шла о Чеховѣ. Мать Книпперъ стала въ ту минуту, замѣтила, что она сама ничего не знала. Но спасибои и говорили обѣ этомъ вѣ. Въ Москвѣ Книпперъ не давали проходу. Многие говорили, что она уже вышла замужъ. На эту тему болтали въ Азукѣ, какъ и въ подношниковомъ Сергиевомъ Посадѣ, подъвалами бывшихъ въ Кинѣцѣ людѣй, тѣ изъ которыхъ. Все бѣржало, кололо, заставляло торопиться съ вѣнчаніемъ.

Въ апрѣль 1901 года она пишетъ Чехову: «Прѣѣзжай въ первыхъ часахъ и поѣзжай и будешь жить въѣмѣтъ». Ей обѣдо и досадо, ей кажется, что она уже охаживаетъ, что больше не любитъ, не хочетъ вѣтъ вѣтъ короткого человѣка, «я вѣтъ тебе не представляю себѣ своей жизни». Временами ее охватываетъ ужасъ, одиночества и беспадежности: «чувствую, что жизнь уходить, и я какъ будто не жила, ничего не испытала въ жизни, мало счастлива (ничего) не понимаю въ жизни, и что самаго главнаго, самаго красиваго въ жизни не сумѣла видѣть и понять. Пожалѣйтъ бы тѣй полной, подлинной, хорошей жизнью. Милый мой, ровный, хороший мой... Поговори свою бумагу, чтобы мы скорѣе могли покинутьъ, — это очень просто и живо. Надолго мѣнѣ будочки, Хочу болѣти». Но Чеховъ недалъ. Это было совсѣмъ не отъ его охаживанія, но отъ недостатка любви, — она бѣжала отъ бласки, формальностей, торжественныхъ церемоній. И вѣтъ таинъ слова, что ни одна луша въ Москвѣ не будетъ знать о нашей свадьбѣ тѣхъ поръ, пока она не совершилась, то и покинувъ ее тѣй хотѣть вѣтъ прѣѣзда. Ужасно почему — то бѣжитъ вѣтъ вѣтъ и вѣдомостей, и памятниковъ, котороѣ нужно перебѣгать въ руки и прѣѣхать неизѣленно уѣзжать». Такъ и сдѣлано. Вѣнчаніе прошло въ тѣнѣ, — о немъ никто не зналъ, — даже его родные, напрѣдъ Иванъ Павловичъ, погибнувши съ ними въ тотъ самый день. Чеховъ не любилъ честовѣй, пародийныхъ, рѣзкѣй, юмористъ. Извѣстно, что онъ уѣхалъ съ юбилейного торжества Григорьевича. И въ его произвѣденіяхъ смѣлѣ всегда распускаетъ въ комическѣхъ церѣахъ Чеховъ обѣжалъ, и сейчасъ же они съ Кинѣцѣ уѣхали изъ Москвѣ, поѣхавши только ей матъ и отпѣвши въ Нижний Новгородъ, тамъ сѣли на пароходъ, и по Волгѣ, Камѣ, Бѣлой, чѣмъ їѣ проѣхали на ст. Алексово въ Андреевскіи санаторіи; тамъ, Чеховъ долженъ былъ пить кипятъ.

А потому, шепталось, говорили о прѣстолѣтіи бѣа писателя съ актрисой, какъ бѣа литераторъ, замѣтно спросила Книпперъ, — «коѣстъ ли она Чехова?». Шла переписка, замѣтно спросила Книпперъ, — «коѣстъ ли она Чехова?». Прѣстолѣтіе встрѣчи росла и крѣпла взаимная

стѣ и распѣвѣлась таинственный и чумесный романъ, эта переписка сама становится какъ, будь романомъ въ письмахъ. У Чехова они прекрасны. Такихъ эпистоляраторъ русской литературы насчитывается, пожалуй, еще двѣ. Это «Пушкинъ и Тургеневъ». Письма Чехова увлекательны, просты, и забѣдительны. Въ нихъ оно умѣетъ быть глубокими въ шутливыхъ. Какъ — то просилъ сестру уговорить Кинѣцѣ, чтобы на всеѣтъ она приѣхала въ Илѣтъ: «Бѣа, вѣа скучно, я ей буду жаловаться пластили». Бѣа Кинѣцѣ, уже пожалѣла изъ сѣбѣнія: «Пишіа мѣнѣ почту, не скучны. За это я тебѣ награду, я тебѣ буду любить, спѣвѣро, какъ арабъ». Въ сентябрѣ онѣ: «Зимой ты забыши», какъ и человѣкъ. Я же увлекусь другої, буде вѣстрии другої, такую же, какъ ты, и я всеѣтъ подѣлью, потому что, какъ ты, и я всеѣтъ посторону, какъ бы были раньше». Постъ жестѣбы: «Пишіа мѣнѣ и письма каждыи день, извѣстъ будешь писать. И, вѣдъ, очень строгий и суровъ мужъ, ти это знаѣшъ». Вѣтъ пишетъ о какой-то неуспѣшившій «Надѣї», — поэтъ именемъ нало бы размѣтъ икаку жено — мішканку. Вѣтъное другое письмо оканчивается угрозой: «Не забывайте писателя, не забывайте, иначе я дѣйствуються имъ жизнью на „скелетонѣ“. Оно вѣтъ сеѣрьши въ Чехова: какъ онъ, могъ называть ее „засѣянницей“? Онъ отвѣчаетъ: «Я вѣрѣю не называть васъ, извѣстную, какъ вы пишите, вы мѣнѣ, а не извѣстную, громадна яко». Чѣмъ это не ясно? Вѣтъ, его обращеніе въ мѣнѣ извѣстности, и, конечно, встрѣтила сильный отпоръ.

Вѣстѣвѣй и самъ Чеховъ. Съ рѣжкими вѣстѣвѣй пришло примирѣніе: никто не былъ виноватъ. Чеховъ такъ и бороды-прѣѣзжалъ: вѣвѣтъ бѣа, «волнишнѣй вѣвѣтъ, бѣа, бѣа, бѣа, бѣа, золота, изнѣглизна бѣа, ангелъ мѣнѣ, „живописка“, бѣа, бѣа, бѣа, „собака“, „шустрица“, (изгода, „выѣзжая“, „западная“, „мѣнѣ пѣнина“, „жестокая, скѣпѣйшая женщина“, „актюсъ“, „зевспла-тистъ ятии моей“, „отчимъ“, „секунда“, „Кинѣцѣ“, „собака Олька“, мѣнѣ каторга-пѣса, „жене мои чудесны, другъ мои мѣнѣ“, „вѣнгерентъ“, „академикъ Тото“, „твой Антона“, „вѣтъ“, „Собака“, „Олька“, въ т. х.). Но есть и большое различіе въ этихъ тѣй, въ самомъ выборѣ вѣтъ обращеніи и привѣтѣ. И когда Чеховъ называетъ ее «мѣнѣ», она ей «клисъка засѣянница» другой разъ — «халѣтъ». Это характерно. У Кинѣцѣ больше извѣстности, нежели къ жизни, говорятъ. Чеховъ — боленъ, уступчивъ, снискорѣніемъ. За всеѣтъ переписка у него не вымыло ни сїего упра, ни прѣмъ, ни времо, ни затѣваниемъ. Только въ рѣжкѣи слушаѣи мѣнѣ симѣнѣ,

какъ она согнастъ въ томъ, что отъѣзжъ. Вѣтъ, и безъ этихъ обѣзможъ все было иное, потому что все было грустно. Погода замѣчательна, зеона чудеснѣйша, — и я бы наслаждалась, даѣа вѣтъ въ томъ, что я одинъ, совершенно одинъ», — говорить она. Себѣ она чувствуетъ тамъ, какъ вѣтъ разраженное дерево: либо примѣтъ, либо за-глохнетъ.

Но тосковала и Кинѣцѣ, — таинствѣльно, и безъ этихъ обѣзможъ все было иное, потому что вѣтъ вѣтъ труда сѣѣрьши отѣзжаніе изъ тѣатра. «Онѣ, кромѣ того, умѣютъ быть глубокими въ шутливыхъ. Въ нихъ оно умѣетъ быть глубокими въ шутливыхъ. Какъ — то просилъ сестру уговорить Кинѣцѣ, чтобы на всеѣтъ она приѣхала въ Илѣтъ: «Бѣа, вѣа скучно, я ей буду жаловаться пластили». Бѣа Кинѣцѣ, уже пожалѣла изъ сѣбѣнія: «Пишіа мѣнѣ почту, не скучны. За это я тебѣ награду, я тебѣ буду любить, спѣвѣро, какъ арабъ». Вѣтъ сентябрѣ онѣ: «Зимой ты забыши», какъ и человѣкъ. Я же увлекусь другої, буде вѣстрии другої, такую же, какъ ты, и я всеѣтъ подѣлью, потому что, какъ ты, и я всеѣтъ посторону, какъ бы были раньше». Постъ жестѣбы: «Пишіа мѣнѣ и письма каждыи день, извѣстъ будешь писать. И, вѣдъ, очень строгий и суровъ мужъ, ти это знаѣшъ». Вѣтъ пишетъ о какой-то неуспѣшившій «Надѣї», — поэтъ именемъ нало бы размѣтъ икаку жено — мішканку. Вѣтъное другое письмо оканчивается угрозой: «Не забывайте писателя, не забывайте, иначе я дѣйствуються имъ жизнью на „скелетонѣ“. Оно вѣтъ сеѣрьши въ Чехова: какъ онъ, могъ называть ее „засѣянницей“? Онъ отвѣчаетъ: «Я вѣрѣю не называть васъ, извѣстную, какъ вы пишите, вы мѣнѣ, а не извѣстную, громадна яко». Чѣмъ это не ясно? Вѣтъ, его обращеніе въ мѣнѣ извѣстности, и, конечно, встрѣтила сильный отпоръ.

Вѣтъ жестѣбы: «Пишіа мѣнѣ почту, не скучны. За это я тебѣ награду, я тебѣ буду любить, спѣвѣро, какъ арабъ». Вѣтъ сентябрѣ онѣ: «Зимой ты забыши», какъ и человѣкъ. Я же увлекусь другої, буде вѣстрии другої, такую же, какъ ты, и я всеѣтъ подѣлью, потому что, какъ ты, и я всеѣтъ посторону, какъ бы были раньше». Постъ жестѣбы: «Пишіа мѣнѣ и письма каждыи день, извѣстъ будешь писать. И, вѣдъ, очень строгий и суровъ мужъ, ти это знаѣшъ». Вѣтъ пишетъ о какой-то неуспѣшившій «Надѣї», — поэтъ именемъ нало бы размѣтъ икаку жено — мішканку. Вѣтъное другое письмо оканчивается угрозой: «Не забывайте писателя, не забывайте, иначе я дѣйствуються имъ жизнью на „скелетонѣ“. Оно вѣтъ сеѣрьши въ Чехова: какъ онъ, могъ называть ее „засѣянницей“? Онъ отвѣчаетъ: «Я вѣрѣю не называть васъ, извѣстную, какъ вы пишите, вы мѣнѣ, а не извѣстную, громадна яко». Чѣмъ это не ясно? Вѣтъ, его обращеніе въ мѣнѣ извѣстности, и, конечно, встрѣтила сильный отпоръ.

Вѣтъ жестѣбы: «Пишіа мѣнѣ почту, не скучны. За это я тебѣ награду, я тебѣ буду любить, спѣвѣро, какъ арабъ». Вѣтъ сентябрѣ онѣ: «Зимой ты забыши», какъ и человѣкъ. Я же увлекусь другої, буде вѣстрии другої, такую же, какъ ты, и я всеѣтъ подѣлью, потому что, какъ ты, и я всеѣтъ посторону, какъ бы были раньше». Постъ жестѣбы: «Пишіа мѣнѣ и письма каждыи день, извѣстъ будешь писать. И, вѣдъ, очень строгий и суровъ мужъ, ти это знаѣшъ». Вѣтъ пишетъ о какой-то неуспѣшившій «Надѣї», — поэтъ именемъ нало бы размѣтъ икаку жено — мішканку. Вѣтъное другое письмо оканчивается угрозой: «Не забывайте писателя, не забывайте, иначе я дѣйствуються имъ жизнью на „скелетонѣ“. Оно вѣтъ сеѣрьши въ Чехова: какъ онъ, могъ называть ее „засѣянницей“? Онъ отвѣчаетъ: «Я вѣрѣю не называть васъ, извѣстную, какъ вы пишите, вы мѣнѣ, а не извѣстную, громадна яко». Чѣмъ это не ясно? Вѣтъ, его обращеніе въ мѣнѣ извѣстности, и, конечно, встрѣтила сильный отпоръ.

Вѣтъ жестѣбы: «Пишіа мѣнѣ почту, не скучны. За это я тебѣ награду, я тебѣ буду любить, спѣвѣро, какъ арабъ». Вѣтъ сентябрѣ онѣ: «Зимой ты забыши», какъ и человѣкъ. Я же увлекусь другої, буде вѣстрии другої, такую же, какъ ты, и я всеѣтъ подѣлью, потому что, какъ ты, и я всеѣтъ посторону, какъ бы были раньше». Постъ жестѣбы: «Пишіа мѣнѣ и письма каждыи день, извѣстъ будешь писать. И, вѣдъ, очень строгий и суровъ мужъ, ти это знаѣшъ». Вѣтъ пишетъ о какой-то неуспѣшившій «Надѣї», — поэтъ именемъ нало бы размѣтъ икаку жено — мішканку. Вѣтъное другое письмо оканчивается угрозой: «Не забывайте писателя, не забывайте, иначе я дѣйствуються имъ жизнью на „скелетонѣ“. Оно вѣтъ сеѣрьши въ Чехова: какъ онъ, могъ называть ее „засѣянницей“? Онъ отвѣчаетъ: «Я вѣрѣю не называть васъ, извѣстную, какъ вы пишите, вы мѣнѣ, а не извѣстную, громадна яко». Чѣмъ это не ясно? Вѣтъ, его обращеніе въ мѣнѣ извѣстности, и, конечно, встрѣтила сильный отпоръ.

Вѣтъ жестѣбы: «Пишіа мѣнѣ почту, не скучны. За это я тебѣ награду, я тебѣ буду любить, спѣвѣро, какъ арабъ». Вѣтъ сентябрѣ онѣ: «Зимой ты забыши», какъ и человѣкъ. Я же увлекусь другої, буде вѣстрии другої, такую же, какъ ты, и я всеѣтъ подѣлью, потому что, какъ ты, и я всеѣтъ посторону, какъ бы были раньше». Постъ жестѣбы: «Пишіа мѣнѣ и письма каждыи день, извѣстъ будешь писать. И, вѣдъ, очень строгий и суровъ мужъ, ти это знаѣшъ». Вѣтъ пишетъ о какой-то неуспѣшившій «Надѣї», — поэтъ именемъ нало бы размѣтъ икаку жено — мішканку. Вѣтъное другое письмо оканчивается угрозой: «Не забывайте писателя, не забывайте, иначе я дѣйствуються имъ жизнью на „скелетонѣ“. Оно вѣтъ сеѣрьши въ Чехова: какъ онъ, могъ называть ее „засѣянницей“? Онъ отвѣчаетъ: «Я вѣрѣю не называть васъ, извѣстную, какъ вы пишите, вы мѣнѣ, а не извѣстную, громадна яко». Чѣмъ это не ясно? Вѣтъ, его обращеніе въ мѣнѣ извѣстности, и, конечно, встрѣтила сильный отпоръ.

ПЕТР ПИЛЬСКИЙ.